

Рассказы

КАТЕНЬКА

Дачка была крошечная — две комнатки и кухня.

Мать ворчала в комнатах, кухарка в кухне, и так как объектом ворчания для обеих служила Катенька, то оставаться дома этой Катеньке не было никакой возможности, и сидела она целый день в саду на скамейке-качалке.

Мать Катеньки, бедная, но неблагородная вдова, всю зиму шила дамские наряды и даже на входных дверях прибила дощечку «Мадам Параскове, моды и платья». Летом же отдыхала и воспитывала гимназистку-дочь посредством упреков в неблагодарности.

Кухарка Дарья зазналась уже давно, лет десять тому назад, и во всей природе до сих пор не нашлось существа, которое сумело бы поставить ее на место.

Катенька сидит на своей качалке и мечтает «о нем». Через год ей будет шестнадцать лет, тогда можно будет венчаться и без разрешения митрополита. Но с кем венчаться-то, вот вопрос.

Из дома доносится тихое бубнение матери:

— ...И ничего, ни малейшей благодарности! Розовый брокер на платье купила, сорок пять...

— Девка на выданье, — гудит из кухни, — избаловавши с детства. Нет, коли ты мать, так взяла бы хворостину хорошую...

— Самих бы вас хворостиной! — кричит Катенька и мечтает дальше.

Венчаться можно со всяким, это ерунда — лишь бы была блестящая партия. Вот, например, есть инженеры, которые воруют. Это очень блестящая партия. Потом еще можно выйти за генерала. Да мало ли

за кого! Но интересно совсем не это. Интересно, с кем будешь мужу изменять. «Генеральша-графиня Катерина Ивановна дома?» И входит «он» в белом кителе, вроде Середенкина, только, конечно, гораздо красивее и носом не фыркает. «Извините, я дома, но принять вас не могу, потому что я другому отдана и буду век ему верна». «Он» побледнел, как мрамор, только глаза его дивно сверкают... Едва дыша, «он» берет ее за руку и говорит...

— Катя-а! А Катя-а! Это ты с тарелки черносливину взяла-а?

Мать высунула голову в окошко, и видно ее сердитое лицо. Из другого окошка, подальше, высовывается голова в повойнике и отвечает:

— Конечно, она. Я сразу увидела: было для кампоту десять черносливин, а как она подошла, так и девять сделалось. И как тебе не стыдно, а?

— Сами слопали, а на меня валите! — огрызнулась Катенька. — Очень мне нужен ваш чернослив! От него керосином пахнет.

— Кероси-ином? А почему же ты знаешь, что керосином, коли ты не пробовала, а?

— Керосином? — ужасается кухарка. — Эдакие слова произносить! Взять бы что ни на есть да отстегать бы, так небось...

— Стегайте себя саму! Отвяжитесь!

«Да... значит, „он“ берет за руку и говорит: „Отдайся мне!“ Я уже готова уступить его доводам, как вдруг дверь распаивается и входит муж. „Сударыня, я все слышал. Я дарю вам мой титул, чин и все состояние, и мы разведемся...“»

— Катька! Дура полосатая! Кошка носатая! — раздался голос позади скамейки.

Катенька обернулась.

Через забор перевесился соседский Мишка и, дрыгая для равновесия высоко поднятой ногой, обрывал с росших у скамейки кустов зеленую смородину.

— Пошел вон, поганый мальчишка! — взвизгнула Катенька.

— Поган, да не цыган! А ты вроде Володи.
— Мама! Мама, он смородину рвет!
— Ах ты, Господи, помилуй! — высунулись две головы. — Час от часу не легче! Ах ты, дерзостный! Ах ты, мерзостный!

— Взять бы хворостину хорошую...

— Мало вас, видно, в школе порют, что вы и на каникулах под розгу проситесь. Вон пошел, чтоб духу твоего!..

Мальчишка спрятался, предварительно показав для самоудовлетворения всем по очереди свой длинный язык с налипшим к нему листом смородины.

Катенька уселась поудобнее и попробовала мечтать дальше. Но ничего не выходило. Поганый мальчишка совсем выбил ее из настроения. Почему вдруг «кошка носатая»? Во-первых, у кошек нет носов — они дышат дырками, а во-вторых, у нее, у Катеньки, совершенно греческий нос, как у древних римлян. И потом, что это значит: «Вроде Володи»? Володи разные бывают. Ужасно глупо. Не стоит обращать внимания.

Но не обращать внимания было трудно. От обиды сами собой опускались углы рта и тоненькая косичка дрожала под затылком.

Катенька подошла к матери и сказала:

— Я не понимаю вас! Как можно позволять уличным мальчишкам издеваться над собой! Неужели же только военные должны понимать, что значит честь мундира?

Потом пошла в свой уголок, достала конвертик, украшенный золотой незабудкой с розовым сиянием вокруг каждого лепестка, и стала изливать душу в письме к Мане Кокиной:

«Дорогая моя! Я в ужасном состоянии. Все мои нервные окончания расстроились совершенно. Дело в том, что мой роман быстро идет к роковой развязке.

Наш сосед по имению, молодой граф Михаил, не дает мне покоя. Достаточно мне выйти в сад, чтобы услышать за спиной его страстный шепот. К стыду моему, я его полюбила беззаветно.

Сегодня утром у нас в имении случилось необычное событие: пропала масса фруктов, черносливых и прочих драгоценностей. Вся прислуга в один голос обвинила шайку соседних разбойников. Я молчала, потому что знала, что их предводитель граф Михаил.

В тот же вечер он с опасностью для жизни перелез через забор и шепнул страстным шепотом: „Ты должна быть моей“. Разбуженная этим шепотом, я выбежала в сад в капоте из серебряной парчи, закрытая, как плащом, моими распущенными волосами (у меня коса очень отросла за это время, ей-богу), и граф заключил меня в свои объятия. Я ничего не сказала, но вся побледнела, как мрамор; только глаза мои дивно сверкали...»

Катенька вдруг приостановилась и крикнула в соседнюю комнатушку:

— Мама! Дайте мне, пожалуйста, семикопеечную марку. Я пишу Мане Кокиной.

— Что-о? Ма-арку? Все только Кокиным да Мокиным письма писать! Нет, милая моя, мать у тебя тоже не лошадь, чтоб на Мокиных работать. Посидят Мокины и без писем!

— Только и слышно, что марку давай, — загудело из кухни. — Взяла бы хворостину хорошую, да как ни на есть...

Катенька подождала минутку, прислушалась, и когда стало ясно, что марки не получить, она вздохнула и приписала:

«Дорогая Манечка! Я очень криво приклеила марку и боюсь, что она отклеится, как на прошлом письме. Целую тебя 10000000 раз. Твоя Катя Моткова».

ТАЛАНТ

У Зоиньки Мильгау еще в институте обнаружился большой талант к литературе.

Однажды она такими яркими красками описала в немецком переложении страдания Орлеанской девы, что учитель от волнения напился и не мог на другой день прийти в класс.

Затем последовал новый триумф, укрепивший за Зоинькой навсегда славу лучшей институтской поэтессы. Чести этой добилась она, написав пышное стихотворение на приезд попечителя, начинавшееся словами:

Вот наконец пробил наш час,
И мы увидели ваш облик среди нас...

Когда Зоинька окончила институт, мать спросила у нее:

— Что же мы теперь будем делать? Молодая девушка должна совершенствоваться или в музыке, или в рисовании.

Зоинька посмотрела на мать с удивлением и отвечала просто:

— Зачем же мне рисовать, когда я писательница. И в тот же день села за роман.

Писала она целый месяц очень прилежно, но вышел все-таки не роман, а рассказ, чему она сама немало удивилась.

Тема была самая оригинальная: одна молодая девушка влюбилась в одного молодого человека и вышла за него замуж. Называлась эта штука «Иероглифы Сфинкса».

Молодая девушка вышла замуж приблизительно на десятой странице листа писчей бумаги обыкновенного формата, а что делать с ней дальше, Зоинька положительно не знала. Думала три дня и приписала эпилог:

«С течением времени у Элизы родилось двое детей, и она, по-видимому, была счастлива».

Зоинька подумала еще дня два, потом переписала все начисто и понесла в редакцию.

Редактор оказался человеком малообразованным. В разговоре выяснилось, что он никогда даже и не слышал о Зоинькином стихотворении на проезд попечителя. Рукопись, однако, взял и просил прийти за ответом через две недели.

Зоинька покраснела, побледнела, сделала реверанс и вернулась через две недели.

Редактор посмотрел на нее сконфуженно и сказал:

— Н-да, госпожа Мильгау!

Потом пошел в другую комнату и вынес Зоинькину рукопись. Рукопись стала грязная, углы ее закрутились в разные стороны, как уши у бойкой борзой собаки, и вообще она имела печальный и опозоренный вид.

Редактор протянул Зоиньке рукопись.

— Вот-с.

Но Зоинька не понимала, в чем дело.

— Ваша вещица не подходит для нашего органа. Вот, извольте видеть...

Он развернул рукопись.

— Вот, например, в начале... ммм... «...солнце золотило верхушки деревьев»... ммм... Видите ли, милая барышня, газета наша идейная. Мы в настоящее время отстаиваем права якутских женщин на сельских сходах, так что в солнце в настоящее время буквально никакой надобности не имеем. Так-с!

Но Зоинька все не уходила и смотрела на него с такой беззащитной доверчивостью, что у редактора стало горько во рту.

— Тем не менее у вас, конечно, есть дарование, — прибавил он, с интересом рассматривая собственный башмак. — Я даже хочу вам посоветовать сделать не-

которые изменения в вашем рассказе, которые, несомненно, послужат ему на пользу. Иногда от какого-нибудь пустяка зависит вся будущность произведения. Так, например, ваш рассказ буквально просится, чтобы ему придали драматическую форму. Понимаете? Форму диалога. У вас вообще блестящий диалог. Вот тут, например... ммм... «до свиданья, сказала она», и так далее. Вот вам мой совет. Переделайте вашу вещицу в драму. И не торопитесь, а подумайте серьезно, художественно. Поработайте.

Зоинька пошла домой, купила для вдохновенья плитку шоколада и села работать.

Через две недели она уже сидела перед редактором, а тот утирал лоб и говорил, заикаясь:

— Нап-прасно вы так торопились. Если писать медленно и хорошо обдумывать, то произведение выходит лучше, чем когда не об-бдумывают и пишут скоро. Зайдите через месяц за ответом.

Когда Зоинька ушла, он тяжело вздохнул и подумал:

«А вдруг она за этот месяц выйдет замуж, или уедет куда-нибудь, или просто бросит всю эту дрянь. Ведь бывают же чудеса! Ведь бывает же счастье!»

Но счастье бывает редко, а чудес и совсем не бывает, и Зоинька через месяц пришла за ответом.

Увидев ее, редактор покачнулся, но тотчас взял себя в руки.

— Ваша вещица? Н-да, прелестная вещь. Только знаете что — я должен дать вам один блестящий совет. Вот что, милая барышня, переложите вы ее, не медля ни минуты, на музыку. А?

Зоинька обиженно повела губами.

— Зачем на музыку? Я не понимаю!

— Как не понимаете! Переложите на музыку, так ведь у вас из нее, чудак вы эдакий, опера выйдет! Подумайте только — опера! Потом сами благодарить придете. Поищите хорошего композитора...

— Нет, я не хочу оперы! — сказала Зоинька решительно. — Я писательница... а вы вдруг оперу. Я не хочу!

— Голубчик мой! Ну, вы прямо сами себе враг. Вы только представьте себе... вдруг вашу вещь запоют! Нет, я вас прямо отказываюсь понимать.

Зоинька сделала козлиное лицо и отвечала настойчиво:

— Нет и нет. Не желаю. Раз вы мне сами заказали переделать мою вещь в драму, так вы теперь должны ее напечатать, потому что я приноравливала ее на ваш вкус.

— Да я и не спорю! Вещица очаровательная! Но вы меня не поняли. Я, собственно говоря, советовал переделать ее для театра, а не для печати.

— Ну, так и отдайте ее в театр! — улыбнулась Зоинька его бестолковости.

— М-м-мда, но, видите ли, современный театр требует особого репертуара. «Гамлет» уже написан. Другого не нужно. А вот хороший фарс нашему театру очень нужен. Если бы вы могли...

— Иными словами — вы хотите, чтобы я переделала «Иероглифы Сфинкса» в фарс? Так бы и говорили.

Она кивнула ему головой, взяла рукопись и с достоинством вышла.

Редактор долго смотрел ей вслед и чесал карандашом в бороде.

— Ну, слава Богу! Больше не вернется. Но жаль все-таки, что она так обиделась. Только бы не покончила с собой.

— Милая барышня, — говорил он через месяц, смотря на Зоиньку кроткими голубыми глазами. — Милая барышня. Вы напрасно взялись за это дело! Я прочел ваш фарс и, конечно, остался по-прежнему поклонником вашего таланта. Но, к сожалению, должен вам сказать, что такие тонкие и изящные фарсы не могут иметь успеха у нашей грубой публики. Поэтому театры берут только очень, как бы вам сказать, очень неприличные фарсы, а ваша вещь, простите, совсем не пикантна.

— Вам нужно неприличное? — деловито осведомилась Зоинька и, вернувшись домой, спросила у матери:

— Матап, что считается самым неприличным?

Матап подумала и сказала, что, по ее мнению, неприличнее всего на свете голые люди.

Зоинька поскрипела минут десять пером и на другой же день гордо протянула свою рукопись ошеломленному редактору.

— Вы хотели неприличного? Вот! Я переделала!

— Да где же? — законфузился редактор. — Я не вижу... кажется, все, как было...

— Как — где? Вот здесь — в действующих лицах.

Редактор перевернул страницу и прочел:

«Действующие лица: Иван Петрович Жукин, мировой судья, 53 лет, — голый.

Анна Петровна Бек, помещица, благотворительница, 48 лет, — голая.

Кусков, земский врач, — голый.

Рыкова, фельдшерица, влюбленная в Жукина, 20 лет, — голая.

Становой пристав — голый.

Глаша, горничная, — голая.

Чернов, Петр Гаврилыч, профессор, 65 лет, — голый».

— Теперь у вас нет предлога отвергать мое произведение, — язвительно торжествовала Зоинька. — Мне кажется, что уж это достаточно неприлично!

СИЛА ВОЛИ

Иван Матвеич, печально распутив губы, с покорной тоской смотрел, как докторский молоточек, упруго отскакивая, пощелкивает его по толстым бокам.

— Н-да, — сказал доктор и отошел от Ивана Матвеича. — Пить нельзя, вот что. Много пьете?

— Одну рюмку перед завтраком и две перед обедом. Коньяк, — печально и искренно отвечал пациент.

— Н-да. Все это придется бросить. Вон у вас печень-то где. Разве так можно?

Иван Матвеич посмотрел, куда указывал доктор, увидел свой толстый бок, раскрытый и беззащитный, и молча вздохнул.

— Это, конечно, пустяки, — продолжал доктор. — Раз у вас есть сила воли, вам, конечно, ничего не будет стоить бросить эту привычку.

— Да, что касается силы воли, так этого добра у меня не занимать стать!

— Вот и отлично. Пропишу вам порошочки, по-принимаете их недельки две, а там зайдите показать. Спасибо, спасибо, напрасно беспокоитесь.

Иван Матвеич шел по улице и думал:

«Печень не на месте. Не на своем, значит, месте. Дело дрянь. Но раз есть сила воли, то все пребороть можно — и печень, и не печень. А бутылку как раз сегодня допил — вот, значит, сам перст судьбы указывает».

На углу у самого дома Иван Матвеич загляделся в окно фруктовой лавки.

«Что у них здесь? Ликеры. Ну кому, спрашивается, нужны натошак ликеры? Выставили, дурачье.

А это что? Коньяк! Меня все равно не соблазнишь. У кого есть сила воли, тот, братец ты мой, ничего не боится. Я даже больше сделаю: зайду, куплю бутылку и домой ее отнесу. Да-с! Вот как-с! Потому что раз у человека есть сила воли...»

Придя домой, он сейчас же запер коньяк в буфет и сел обедать. Налил супу и задумался.

«В буфет поставил... Нет, я больше сделаю: я на стол поставлю, вот что я сделаю. Поставлю да еще и откупорю. Потому что раз у человека есть сила воли, братец ты мой, то ты ему хоть на нос коньяку налей, он и не шелохнется».

Откупорил бутылку. Посидел, поглядел, подумал. Поболтал ложкой в тарелке и вдруг решил:

«Нет, я больше сделаю: я вот возьму да и налью в рюмку. Мало того! Я даже выпью одну рюмку, вот что я сделаю. Почему бы мне не выпить? Раз у человека есть сила воли и он во всякий момент может остановиться, то ему даже приятно сделать над собой маленький опыт».

Он выпил рюмку, выпучил глаза, с удивлением огляделся кругом, проглотил ложки две супу и сказал решительно:

— Нет, я даже больше сделаю: я вторую рюмку выпью.

Выпил вторую, усмехнулся, подмигнул:

— Нет, я даже больше сделаю. Я сделаю то, чего никогда не делал: я третью рюмку выпью. И странно было бы не выпить. Во-первых, приятно — это раз. Во-вторых, если у меня есть сила воли и я всегда могу остановиться вовремя, то чего же мне бояться? Почему, например, я не могу выпить четвертую рюмку? Я больше сделаю — я две подряд выпью, вот что я сделаю. А потом еще велю коньяку принести. Вот. Потому что раз у человека есть сила воли...

Вечером завернувший на огонек приятель был несказанно удивлен представшей перед ним картиной: Иван Матвеевич сидел в столовой на полу и, смотря

в упор на ножку стола, грозил ей пальцем и говорил с чувством, толково и вразумительно:

— Может быть, ты, братец мой, не можешь, а я могу! Я напился — я это сознаю. Мало того, я сделаю даже еще больше — я теперь буду каждый день напиваться. А почему? А потому, что когда у человека есть в наличности сила воли... сил-ла воли, то он может пить и ему ничего не страшно. А у меня, братец ты мой, сила воли есть, а раз у меня есть сила воли, следовательно...

В ВАГОНЕ

— Извините мене, мадам, вам фамилия Вигдорчик?

— Извините, мадам, мне фамилия вовсе Цуккерман.

— Цуккерман? Таки Цуккерман! Я бы никогда не подумала! А вам родственники Цуккерзоны?

— Нет, таких не имею.

— Ну, они же очень богатые люди. Кто не знает Цуккерзонов! Своя фабрика, свои лошади, да еще хочут свой автомобиль купить, уже два года хочут. Бедный человек ничего подобного хотеть себе не позволит. А раз человек хочет автомобиль, а не селедку с луком, значит, у него где-то в кармане что-нибудь деньги есть. Цуккерзоны — ого! Цуккерзоны богатые люди.

— А может, они и родственники, разве я знаю. Даже наверное родственники. Только я этим гордиться не стану. Мне гордиться некогда. У нас бумажное дело.

— А где вы, извините мене, имеете постоянное жительство?

— Мы живем себе в Риге.

— В Риме? Ой, мадам, мадам, так вы же счастливый человек, мадам!

— Фа! Чего там!

— Да ведь это же ж, наверное, такая красота! Я бы дорого дала, чтоб хоть одним глазом посмотреть!

— Может, одним так и хорошо, а как я двумя смотрю, так мне уж и надоело.

— Ну, вы, наверное, шутите! А скажите, мадам, вы, конечно, по-итальянски говорите? Ой, хотелось бы мне хоть одним ухом послушать!

— По-итальянски? Ну, чтобы да, так нет. Зачем я имею говорить по-итальянски?

— Ну, а если вам что у итальянцев купить надо, так вас не поймут?

— Ой, что вы говорите! Если там какой паршивец с обезьяном станет мне фальшивые янтари предлагать, так я буду из-за него итальянский язык ломать? Фа! Очень мне надо!

— Ой, мадам, вы меня удивляете! А скажите, как там природа, очень жаркая?

— Ну, чтобы очень, так нет. Летом таки ничего себе.

— А у меня одно знакомое лицо там было, так уверяет, что вспотело.

— Может, врет.

— Чего он станет врать? Что я ему платить буду, чтоб он врал, или что?

— Так вы, мадам, не обижайтесь. Господин Люлька богатый человек, имеет свою аптеку, а врет, как последний голодранец. Если он утром кофе кушал, так непременно всем скажет, что чай пил.

— Ну, пускай себе. Пусть мои знакомые не вспотели. Я спорю? Что? Ну а скажите, какая у вас там красота в природе? Верно, поразительная? Я уж себе представляю различный кактус и прочих животных и деревьев!

— Ну, чего там! Ничего особенного. Вы разрешите открыть окно? Тут душно.

— Позвольте, я вам сама открою...

— Ну, чего же ж вы беспокоитесь...

— Так мне же ж не трудно... Ну вот. Теперь вам приятно? Я очень рада, что могла услужить. Так все-таки природа у вас чего-то замечательного?

— Фа! Это — природа!

— Ну конечно, кто привык к красоте, тому уже не удивительно. Ах, мадам, прямо смотреть на вас приятно. И вот, думаю, и человек, который наслаждается. Прямо на вас какой-то особенный отпечаток. Эта брошечка... там купили?

— Эту? В Вильне. А вы, мадам, имеете деток?

— Имею дочку. Ах, что это за дитя! Прямо чего-то особенного. Красавица, прямо даже говорить стесняюсь. Но только одно плохо: глаза, можете себе представить, такие чудные, как у меня, брови также мои, лоб, щеки, даже, если хотите, нос, а внизу все — отец, отец и отец! Прямо чего-то удивительного! Такая молодая девочка — и вдруг глаза, брови, если хотите, даже нос — все мое, а внизу — отец, отец и отец! Такое замечательное дитя! Хочу повезти ее на будущий год показать ваш великий город. Только возня — а заграничные паспорта, а то, а другое...

— А на что вам заграничные паспорта? Чтобы к нам ехать, вам заграничных паспортов не надо!

— Ну, вы меня удивляете!

— Вы, пожалуй, в Москву поедете с заграничным паспортом?

— Так то же ж Москва!

— Ну а чем вам Рига не Москва?

— А на что мне Рига, что вы мне Ригу в нос тычете?

— Так вы же ж хотите в Ригу.

— В Ригу? Я хочу в Ригу? Нет, слышали вы что-нибудь подобное!

— Извините, мадам, только вы как услышали, что я из Риги, так вы совершенно сами себя потеряли. Вы в мене прямо вцепились зубами в глотку! Я никогда не слыхала, чтоб человек так через Ригу помешался!

— Извините, мадам!.. Но только вы сами...

— Нет, вы мене извините, а не я вам!

— Нет, уж извините, а это вы мене извините. Потому что вы тут нахвастали, а теперь сами не знаете что! И потрудитесь закрыть окно, потому что мне в зуб дует.

— Будете мне толковать, что дует! Выправляйте себе заграничный паспорт на Ригу. Ха-ха!

— И она еще уверяет, что Цуккерзоны ей родственники! Да Цуккерзон вас знать не желает. Я ему расскажу, что вы в родню лезете, так он так засмеется, что у него жилет лопнет! Вот вам!

- Ах, очень мне важно! Прошу не трогать окошко
- мне душно.
- Едет себе из Риги, так уж думает, что она — Сара Бернар!
- Такой неинтеллигентной встречи нигде не найдешь! Прошу оставить мое окно!
- Это уже ее окно! Слыхали вы это?! Что вы — Виндаво-Рыбинская дорога или что?
- Прошу вас помнить, с кем вы говорите!
- С мещанкой с Риги!
- Очень интеллигентно! Прошу вас оставить окно.
- А когда мене дует в зуб...
- Извините, мадам...
- Нет, вы извините...
- Нет, извините, это вы мене извините. Кондуктор! Кондуктор! Прошу вас пересадить мене на другое место. Здесь у вас рижские пассажирки сидят!
- Фа!

КНИГА

— Читали ли вы «Туннель» Келлермана? Прекрасно написано. Наделало шуму в Европе.

— Читали ли то? Читали ли другое?

— Прекрасно написано.

Возьмешь, прочтешь, обдумаешь, как что в этой книге сделано, спокойно решишь, прекрасно или не прекрасно она написана, и не забудешь.

Вспомнишь при случае, при разговоре.

— Да, — скажешь, — конец растянут. Такая-то глава лишняя, такое-то действующее лицо можно выбросить. Разговор инженеров мастерски «сделан».

Еще раз и еще подробнее обсудишь, как что «сделано».

Скучно.

Вспоминается другое время, когда еще не знала, что книги «делаются».

Ах, какие это были книги! У них было не только содержание, у них были и внешность, и запах, и вкус — незабываемые.

* * *

Мне одиннадцать лет.

Сегодня день трагический: перед уроком я перервала молитву «Преплагий Господи», и вот теперь, после занятий, меня засадили переписать ее пять раз подряд.

Пальцы у меня в чернилах, нос тоже, и так основательно, что если посмотрю влево, то кажется, будто перед самым правым глазом висит черное пятно.

«...и укрепляющего душевные наши силы...»

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. <i>Борис Аверин</i>	5
--	---

РАССКАЗЫ

Катенька	15
Талант	19
Сила воли	24
В вагоне	27
Книга	31
В кафе	36
Торговая Русь	41
Счастье. (<i>Рассказ петербургской дамы</i>)	44
Тонкие письма	48
Поручик Каспар	52
Маркита	63
Тихий спутник	70
Мать	74

ВОСПОМИНАНИЯ	83
------------------------	----

Литературно-художественное издание

ТЭФФИ
ТОНКИЕ ПИСЬМА

*Рассказы
Воспоминания*

Художественный редактор Валерий Гореликов
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Антона Вальского
Корректоры Нина Синеникольская, Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

Подписано в печать 26.04.2018.
Формат издания 75 × 100^{1/32}. Печать офсетная.
Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 12,69.
Заказ №

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, г. Можайск, ул. Мира, д. 93

www.oaomprk.ru, www.oaompk.rф
Тел.: (495) 745-84-28, (49638) 20-685

У-АКВ-11877-05-Р

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, pop-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ
ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01,

факс: (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru;

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО

«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55,

факс: (812) 327-01-60

e-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

Тел./факс: (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru,

www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей

и творческого сотрудничества

размещена по адресу:

www.azbooka.ru/new_authors/